

«РЕШАЮСЬ ПРЕДСТАВИТЬ В ЦК ВКП(б)...»

Три письма члена-корреспондента АН СССР

А. М. Селищева

Член-корреспондент АН СССР Афанасий Матвеевич Селишев (1886—1942) был одним из крупнейших советских славистов. Сын крестьянина Орловской губернии, А. М. Селишев, благодаря выдающимся способностям и трудолюбию смог окончить Казанский университет. Первые его исследования посвящены македонским диалектам, которые он изучал во время командировки на Балканы в 1914 г.; их итогом стала книга «Очерки по македонской диалектологии» (Казань, 1918). После революции А. М. Селишев переехал в Иркутск и стал там одним из основателей университета. В это время он систематически исследовал сибирские говоры и подготовил книгу «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск, 1921). В 1920 г. ученый вернулся в Казань, а в 1922 г. был приглашен возглавить преподавание славянских языков в Московском университете, поскольку к тому времени все ведущие московские слависты умерли или эмигрировали. С тех пор он работал в МГУ, а после его реорганизации в 1931 г.— в МИФЛИ, где подготовил немало специалистов. Одновременно в 20-е гг. сотрудничал в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук и в Московской диалектологической комиссии при Академии наук, а в начале 30-х гг.— в НИИ языкознания при Наркомпросе, разогнанном позднее по требованию Н. Я. Марра. В эти годы он активно печатается в СССР и за рубежом. Продолжает исследования по македонской диалектологии, выпускает книги «Полог и его болгарское насе-

ление: исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» (София, 1929), «Македонские кодексы XVI—XVIII веков» (София, 1933), «Славянское население в Албании» (София, 1931). Особое место среди трудов А. М. Селищева занимает книга «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет» (1928), где впервые в советской науке дается основанный на обширном фактическом материале анализ тех изменений, которые произошли в русском языке, главным образом в его лексике, после революции. В 1929 г. А. М. Селищев избран членом-корреспондентом АН СССР.

С начала 30-х гг. А. М. Селищева начали травить. После серьезных проработок его уволили из НИИ языкознания за «буржуазные» взгляды, затем, правда, восстановили по распоряжению наркома просвещения А. С. Бубнова. Но 7 февраля 1934 г. А. М. Селищева арестовали вместе с группой московских славистов и русистов, в которой оказались академик М. Н. Сперанский, члены-корреспонденты АН СССР Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский, будущий академик В. В. Виноградов. Они были обвинены в «пропаганде славянской филологии — реакционной науки, распространенной в фашистской Германии». В 1935 г., когда А. М. Селищев был в лагере, «Правда» назвала его книгу «Язык революционной эпохи» клеветнической (из-за упоминаний Троцкого и Зиновьева она до последнего времени находилась в спецхране).

Судьба арестованных славистов оказалась различной: П. П. Дурново и Г. А. Ильинский в 1937 г. были повторно судимы и расстреляны, М. Н. Сперанский отдан на поруки брату, известному педиатру Г. Н. Сперанскому, и до смерти находился под домашним арестом, А. М. Селищеву, как и В. В. Виноградову и ряду других ученых, удалось вернуться к работе. Однако в последние годы жизни ему пришлось испытать новые трудности, о которых свидетельствуют публикуемые ниже письма. Вернувшись благодаря поддержке Д. П. Ушакова в МИФЛИ, он уже в 1939 г. был вынужден уйти, так как администрация института относилась к нему с недоверием. Последние годы А. М. Селищев преподавал в МГПИ им. В. И. Ленина. Ему удалось издать первый том очерков славянского языкознания, посвященный западнославянским языкам (1941); он написал учебник старославянского языка, изданный посмертно в 1951—1952 гг., продолжал изучать язык советской эпохи. Но прожил после освобождения недолго — здоровье было подорвано тремя годами тюрьмы и лагеря.

В ЦК ВКП(б)

*(от) члена-корреспондента Академии наук¹
профессора СЕЛИЩЕВА АФ. МАТВ.*

13 марта 1937 г.

Заявление

В начале февраля 1934 г. органами ОГПУ я был привлечен к ответственности по статье 58¹⁰⁻¹¹ за принадлежность к националистической группировке² и был осужден Коллегией ОГПУ на заключение в Карлаге сроком на 5 лет.

По постановлению президиума ЦИК Союза ССР от 17 августа 1936 г. мой срок сокращен на один год. Как ударник с первого зачетного квартала я закончил свой срок менее, чем в 3 года³.

Кроме основной своей работы в лагере я вел общественную работу по КВЧ (Культурно-воспитательная часть), а также политзанятия с курсантами Учебного комбината.

Одно из распоряжений ГУЛАГа 1935 г., подписанное тов. Берманом⁴, предоставляет возможность ударникам по окончании срока заключения получить право на жительство в различных пунктах, если там у заключенного жила семья и занималась общественно-полезным трудом. Я рассчитывал на эту льготу для ударника и бодро вел свою работу в лагере. 5 декабря 1936 г. я представил в УРО (Учебно-распределительный отдел ФА) Карлага свое заявление на имя начальника ГУЛАГа о разрешении мне жительства в Москве. Но только через месяц мне сообщили, что к заявлению следует приложить справку о том, что моя семья имеет жилплощадь в Москве. Представлять такую справку было поздно, так как в ближайшие дни истекал срок моего заключения.

Приехав в Москву, я подал 26 января 1937 г. на имя наркома НКВД тов. Ежова ходатайство о разрешении мне жительства в Москве. Там я указал мотивы, которые побуждают меня ходатайствовать об этом. К заявлению я приложил справку о том, что за мной и за моей иждивенкой Новиковой Е. Л.⁵ сохраняется жилплощадь по Моховой ул. д. 11, кв. 11 (в здании Московского университета).

В конце февраля меня постигло тяжелое несчастье: я похоронил свою старушку, которая заменяла мне мать. С ее смертью моя квартира, в которой находится моя специальная библиотека, до 4000 томов и много бумаг и карточек с научными материалами, осталась без присмотра: других родственников и близких лиц у меня нет. Вывезти же книги, бумаги и прочее имущество я не могу: у меня нет средств и нет жилища. Такое крайне тяжелое положение побудило меня подать 2 марта второе заявление тов. Ежову с просьбой разрешить мне вернуться в мою квартиру. До сих пор я не получил ответа на мое ходатайство.

Я обратился в ЦИК Союза ССР, устно изложил указанному мне сотруднику свое положение и просил о помощи. Мне указано, что ЦИК в данном случае может только рассмотреть вопрос о снятии судимости и то не ранее, чем через полгода. Вопрос же об охране библиотеки и прочего моего имущества остается открытым.

За время заключения я глубоко осознал свои ошибки, вольно или невольно сделанные мною в прошлом. Я искренне писал об этом в своих заявлениях в Коллегию ОГПУ и в ЦИК Союза ССР. Моя работа и моя жизнь последних лет свидетельствует, что прошлые мои ошибки мною изжиты совершенно. В последний год своей работы в лагере я окреп и физически. Все мои устремления направлены к тому, чтобы заглянуть свои ошибки, получить возможность усиленной работы на фронте науки, внести свою долю в великое дело перестройки нашей страны.

В ближайшие месяцы я хотел бы обработать собранный мною материал по отношению к языковым процессам нашего времени. Вскоре по приезде из лагеря я обратился в СОЦЭКГИЗ с предложением издать такую работу. СОЦЭКГИЗ мог бы принять ее к изданию, но требуется предварительная апробация ее со стороны НКП или другого учреждения⁶. Но для того, чтобы получить апробацию, я должен закончить. Для окончания же ее я пока не располагаю благоприятными условиями: я не имею возможности заниматься в своей квартире, среди своих книг и

материалов; не имею также работу, которая давала бы мне средства к существованию.

Положение, в каком я нахожусь, гнетет меня чрезвычайно. Я чувствую, что силы изменяют мне.

Решаюсь представить в ЦК ВКП(б) свою горячую просьбу помочь мне. Я прошу помочь мне в получении разрешения на жительство в Москве в моей квартире (Моховая 11, кв. 11). Если невозможно оказать мне это снисхождение и я должен некоторое время жить вне М(осквы), то я прошу о содействии в охране моей московской квартиры до того, когда мне будет разрешено жительство в Москве⁷.

ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, д. 65

Д. Н. УШАКОВУ⁸

11 августа 1939 г.

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Раньше Вашего письма от 25/VII я получил письмо от Карповой⁹. Даты в письме нет. Объясняется это отсутствием женственностью или чем-либо иным, не знаю. Я ответил на это письмо. Получив Ваше письмо, я узнал, кто побудил Карпову послать мне записку.

Ваша настойчивость по отношению к моим занятиям в ИФЛИ меня смущает. Мне казалось, что для Вас не подлежит сомнению обоснованность моего отказа от ИФЛИ. До сих пор мне тяжело вспомнить о некоторых обстоятельствах моей работы там. ИФЛИ — это НИЯЗ¹⁰ с несколько утонченными манерами. Когда бывало подходишь к этому Ростовкинскому¹¹ заведению, невольно задаешь вопрос: не ждет ли тебя там какая-нибудь записка на стене. Нет, я не могу больше быть там (скрытые махинации там производятся по отношению и к другим лицам).

Я не понимаю Вашего беспокойства. Кафедра не несет ответственности за безответственность руководителей института. С другой стороны, в следующем году названные Вами предметы совсем не обязательны. Аспирантам необходимо побольше уделять внимания истории русского языка. Им нужен систематический курс истории этого языка, а не только разработка отдельных вопросов. Чтобы найти время для занятий по курсу истории русского языка, можно ограничиться курсом одного южно- или западного славянского языка. Один язык болгарский у них пройден. И пока достаточно. А студенты будущего V-го курса сами выражали сожаление, что они не знают основного предмета, — ст<аро>сл<авянского> языка. Им нужна не сравнит<ельная> грам<матика> сл<авянских> языков, а систематический курс ст<аро>сл<авянского> языка. Поэтому не лучше ли было бы, если бы им дан был курс «Ст<аро>сл<авянский> язык сравнительно с русским». Такой курс может идти и под рубрикой сравнит<ельной> грамматики слав<янских> языков. А для этого курса кафедра имеет преподавателей.

Прошу Вас: не пеняйте на меня. Ведь я оправдал Вашу рекомендацию. Студенты и аспиранты были удовлетворены моими занятиями. В общественном отношении я также безупречен. Но меня обессиливала ин-

ститутская атмосфера, в особенности после постановки вопроса о продолжении (о прекращении) моей работы в институте. Если Виноградову ставилось в вину что-то новое¹², то у меня ничего нового не было. Нет, не могу я работать в такой атмосфере.

На Волге опять стало холодно. Корплю над ст<аро>сл<авянским> языком. Фонетику кончу, но морфологию перенесу на зиму. Пусть издадут 1-ю часть этого курса и тексты¹³.

Пропишите мой поклон Александре Николаевне¹⁴. О сне помню-помню. Только беда: сахару нет ни в Городце, ни в Горьком¹⁵.

Преданный Вам А. Селищев.

Архив АН СССР, ф. 502, т. 4, д. 34

Л. П. БЕРИИ

14 июля 1942 г.

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

8 января 1942 г. я обращался к Вам с письмом и заявлением относительно своего положения. В заявлении я отметил вкратце то, что выполнено было мною за последние два года,— после того, как по Вашему распоряжению мне выдан был московский паспорт.

За последние четыре месяца моя работа состояла в занятиях со студентами и аспирантами двух педагогических институтов и в возобновлении филологического факультета университета. В Московском государственном педагогическом институте я, кроме текущей работы, заведую кафедрой славяно-русского языкознания.

...ЦК ВКП(б), рассмотрев мою докладную записку об усилении изучения славянских языков и литератур, постановил открыть кафедру славяноведения в Московском государственном университете. Я представил записку об организации преподавания по этой кафедре и о штатах ее.

Назначен председателем Государственной испытательной комиссии по факультету русского языка и литературы в Московском государственном педагогическом институте. Принимаю участие в работе экспертной комиссии при комитете по делам высшей школы при Совнаркомме ... Выполняю другие многочисленные поручения по моей специальности.

По предложению Всеславянского комитета (при Совинформбюро) я написал несколько статей «Вклад славян в мировую культуру», «Гитлеризм и славяноведение»¹⁶. На днях выступлю по радио с докладом на польском языке «Польская Познань и немцы».

Мною сдан в Учпедгиз большой II том «Слав. языкознание», который будет иметь значение и научное, и политическое¹⁷.

...Вот уже два месяца прошло, а я не знаю, будет ли перерегистрирован паспорт ... Как ни утешаю себя, все же эта неопределенность меня, совершенно одинокого, удручает. Невольно возникает тревога за книги, за бумаги с научными материалами. Ни в М(оскве), ни на даче у меня никого нет.

Обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Лаврентий Павлович, с горячей просьбой о помощи: не откажите дать распоряжение ускорить дело с перерегистрацией моего паспорта, выданного по Вашему распоряжению 8 апреля 1939 года¹⁸.

Проф. А. М. Селищев
М., 34 Хилков пер., д. 2, кв. 18

ЦГАЛИ ф. 2231, оп. 1, д. 67.

КОММЕНТАРИИ

¹ А. М. Селищев оставался членом-корреспондентом Академии наук СССР все время нахождения в лагере. Однако 29 апреля 1938 г., уже выйдя на свободу, он вместе с другими осужденными академиками и членами-корреспондентами был исключен из академии. Это решение отменено лишь после смерти Селищева, в 1957 г. (Вестник АН СССР. 1990. № 2. С. 158. Фамилия ученого дана с опечаткой).

² О «деле», по которому был осужден А. М. Селищев вместе с рядом других видных ученых-филологов, см.: Советское славяноведение, 1989, № 1.

³ По другим документам А. М. Селищев освобожден 11 января 1937 г.

⁴ Тогда начальник Главного управления лагерей НКВД СССР.

⁵ Женщина, которая в течение многих лет вела хозяйство А. М. Селищева.

⁶ Эта работа, по-видимому, продолжавшая книгу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» (1928), не была издана.

⁷ В 1937 г. А. М. Селищеву не было разрешено жить в Москве, однако ему предоставили возможность работать в Московском государственном педагогическом институте и Московском институте философии, литературы и истории.

⁸ Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) – выдающийся советский языковед-русист, член-корреспондент АН СССР, руководитель работы над известным «Толковым словарем русского языка» (1934–1940); в предвоенные годы – заведующий кафедрой русского языка Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). Д. Н. Ушаков и А. М. Селищев принадлежали к разным научным школам, тем не менее их личные взаимоотношения всегда были очень теплыми.

⁹ Карпова Анна Самойловна (1882–1968) – в 1935–1940 гг. ректор МИФЛИ.

¹⁰ НИЯЗ – Научно-исследовательский институт языкознания при Наркомпросе, существовал в Москве в 1931–1933 гг. Лидеры НИЯЗа (Г. К. Данилов, Т. П. Ломтев, и др.) выступали против марризма, но одновременно боролись с «буржуазными лингвистами», к которым был причислен и А. М. Селищев.

¹¹ МИФЛИ находился в Ростокинском проезде в Москве.

¹² Профессор (позднее академик) Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969), по «делу славистов» приговоренный к ссылке в Вятку (Киров), находился в то время в ситуации, аналогичной положению А. М. Селищева.

¹³ Речь идет об учебнике «Старославянский язык». Его первая часть, включавшая фонетику, была закончена, но вторая, морфологическая, осталась в набросках. Курс фонетики, тексты и фрагменты курса морфологии были изданы посмертно, в 1951–1952 гг.

¹⁴ Жена Д. Н. Ушакова.

¹⁵ Письмо было написано в селе Салогозове около г. Городца Горьковской области, где А. М. Селищев многие годы проводил лето.

¹⁶ Эти статьи опубликованы в издававшемся Антифашистским славянским комитетом журнале «Славяне».

¹⁷ Эта рукопись после смерти автора была утеряна.

¹⁸ Чем закончились хлопоты о перерегистрации паспорта, мы не знаем. А. М. Селищев умер 6 декабря того же 1942 г. в Москве от рака.

Публикация Ф. Д. АШНИНА и В. М. АЛПАТОВА

Примечания В. М. АЛПАТОВА

